

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно найти более яркий по накалу страстей, по напряженности духовной жизни период русской истории, чем XIV столетие. Но удивительное дело: в нашей памяти этот век почти не оставил имен. Иван Калита да Дмитрий Донской — вот, кажется, и все, кого мы помним со школьной скамьи.

Слов нет, великие зодчие Московского государства по праву остались в истории. Мы вновь и вновь вглядываемся в их суровые, мужественные лица, пытаясь увидеть в них родовые черты российской государственности. Но только ли они достойны нашей памяти? И как одиноко стоят эти люди в пустыне нашего неведения! А между тем этот век имел десятки своих выдающихся деятелей, имена которых сохранили источники.

«Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива», — говорил Радищев. Эта черта национального характера сложилась не вчера. Средневековая Русь имела длинную череду своих мыслителей и проповедников. Их имена должны стоять в одном ряду с именами полководцев и государственных деятелей, архитекторов и художников. Один из тех, кого необходимо вернуть на подобающее ему место в отечественной истории, — игумен подмосковного Троицкого монастыря Сергей Радонежский (1314—1392).

Жизненный путь «великого старца», как называли его современники, выглядит парадоксальным. Он бежал от общества людей — а в результате стал его духовным предводителем; он никогда не брал в руки меча — но одно его слово на весах победы стоило сотен мечей.

Удивительна и сама тайна, окружающая имя Сергия. Почти во всех великих событиях эпохи мы чувствуем его незримое присутствие. А между тем до нас не дошло ни его собственных писаний, ни точной записи его бесед и поучений.

Большую часть своей жизни Сергей провел в основанном им Троицком монастыре. Здесь он прославился как выдающийся подвижник в христианско-монашеском понима-

нии этого слова. Помимо этого, Сергей был известен как один из главных приверженцев «общего жития» — новой для того времени формы монашеской жизни на Руси.

Однако Сергей не был исключительно церковным деятелем. Его горизонт не ограничивался чертой монастырских стен. В наиболее драматические моменты истории Северо-Восточной Руси он помогал князьям услышать друг друга, убеждал их прекратить кровопролитные усобицы. Слово Сергия призывно прозвучало и в грозном 1380 году, когда полчища Мамая двинулись на Русскую землю.

Заслуги Сергия перед Отечеством не сводятся лишь к его миротворческим походам и благословиению воинов, идущих на Куликовскую битву. Для современников он стал подлинным «светильником» — человеком, сумевшим подчинить всю свою жизнь евангельским заповедям любви и единомыслия. Всегда избегая судить и назидать, он учил главным образом собою, своим образом жизни и отношением к окружающим. И народ услышал его безмолвную проповедь.

В те времена представление о духовном подвиге связывалось прежде всего с уходом из «мира», строгим соблюдением монашеских уставов. С этой точки зрения Сергей был безупречен. Своим «высоким житием» он внушал людям веру в их нравственные силы. В эпоху, когда Русь поднимала голову, расправляла плечи, готовясь к решающей схватке с Ордой, твердость духа, вера в себя были ей нужны не меньше, чем добрые мечи и прочные кольчуги.

Необычайная притягательность личности Сергия объяснялась просто: это был человек, который неуклонно, до конца выполнял свой христианский и монашеский долг. Но много ли найдется людей, которые никогда не изменяли бы своему долгу?

«При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной, — говорил историк В. О. Ключевский. — Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет,

как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты» (71, 209)*.

Основным источником для воссоздания жизненного пути и учения Сергия Радонежского служит его Житие, написанное в 1417—1418 годах учеником преподобного Епифанием Премудрым и переработанное во второй четверти XV века известным агиографом (от греч. «агиос» — святой и «графо» — пишу) Пахомием Логофетом.

Помимо труда Епифания, о Сергии написано, в сущности, очень немного. Уже в прошлом столетии наметилось три метода описания его деятельности. Первый, самый простой, заключался в прилежном пересказе Жития со скромным авторским комментарием нравственно-дидактического характера. Этим путем шли главным образом церковные авторы. Их труды во многом напоминают иконы XIX столетия: та же холодноватая сентиментальность, экзальтированные жесты и позы, слишком яркие краски.

Второй путь наметил крупнейший историк Русской Церкви Е. Е. Голубинский. Анализируя и сравнивая различные списки Жития, пользуясь данными летописей, он попытался с максимальной точностью воссоздать внешнюю сторону биографии Сергия. Как и следовало ожидать, суховатая, академичная манера письма Голубинского вызвала раздражение приверженцев «иконописного» метода изображения «великого старца».

Свой путь к Сергию проторил известный русский историк В. О. Ключевский. Одновременно с Голубинским, к торжественно отмечавшемуся в 1892 году 500-летию со дня кончины преподобного, он создал небольшой, но яркий по форме и глубокий по содержанию очерк, посвященный «великому старцу». Ключевский первым попытался показать историческое значение деятельности Сергия, понять основы его нравственного учения.

Расцвет русской религиозной философии в первой трети XX века способствовал дальнейшему проникновению в мир

* В скобках указаны номер по списку литературы, находящемуся в конце данной книги, и номер страницы. Ссылки на Библию (издание Московской патриархии, 1976) даются согласно традиционному делению ее текста.

Сергиевой духовности. Г. П. Федотов, посвятивший Сергию одну из глав своей книги о русских святых, сумел показать органическую связь учения «великого старца» с традицией древнерусского монашества, вкратце проследить судьбу его заветов.

Целый ряд новых черт образа Сергия в Житии подметил тонкий и чуткий художник слова — писатель Б. К. Зайцев. Его книга о «великом старце» сопоставима с «сергиевскими» картинами М. В. Нестерова.

И Зайцев, и Федотов работали в эмиграции. Внутри страны в 20-е и 30-е годы обращение к образу Сергия было связано, как правило, с нуждами воинствующего атеизма. Эта тема не пользовалась особой популярностью у историков и в последующие десятилетия. И потому итоги ее научного изучения выглядят весьма и весьма скромно. Были высказаны различные гипотезы об участии Сергия в церковно-политической борьбе конца 70-х и 80-х годов XIV века, о его роли в идейной подготовке Куликовской битвы, об отношении к монастырскому землевладению. Но, пожалуй, наиболее существенный прогресс был достигнут на источниковедческом направлении: в выявлении особенностей Жития как литературного жанра, а также в исследовании различных редакций и списков Жития Сергия.

Что касается изучения духовного наследия Сергия, то в этой области наблюдались лишь эпизодические «набеги» исследователей творчества Андрея Рублева. С помощью Жития Сергия искусствоведы пытаются проникнуть в тайны рублевского «умозрения в красках». В основе этого поиска — весьма убедительное предположение о том, что великий художник Древней Руси находился под влиянием сергиевского нравственного учения.

Фигура самого Сергия — великого деятеля национального возрождения — и по сей день едва различима в тумане минувшего. Мы угадываем отдельные черты, но не можем охватить взглядом целого.

Книга, которую читатель держит в руках, не даст ответа на все вопросы. Мы надеемся, что она лишь облегчит путь к Сергию. С этой целью автор стремился к тому, чтобы «возвратить» Сергия в ту систему христианских духовных ценностей, в которой он жил и вне которой он не может быть понят и оценен как личность.

Указав направление движения, мы не можем, как бы взяв за руку, подвести читателя к Сергию. Путь этот каждый должен пройти сам, ибо учение радонежского игумена, как и всякое религиозно-нравственное учение, может быть вполне

осознано лишь через собственный духовный опыт. Признаемся честно: это препятствие не раз вставало и перед автором книги. Мы далеки от мысли, что до конца поняли мотивы поступков Сергия, проникли в глубину его помыслов. Непостижимы для нас его мистические откровения, восторженный трепет его молитвенных часов. Не пытаюсь бесплодно умствовать о природе Сергиевых чудес, да и других подобных явлений, отмеченных источниками, мы рассматриваем их как исторические факты постольку, поскольку они были фактами для людей той эпохи. Для нас важно найти ответ на вопрос: что же несли они в себе помимо мистического содержания?

Пробиться к Сергию сквозь толщу веков, сквозь предрас судки его и нашего времени — задача не из легких. Решая ее, мы не раз вспоминали о том, какие сомнения испытывал средневековый книжник, принимаясь за жизнеописание святого, какую ношу ощущал он на своих плечах. Впрочем, это была не только тяжесть огромной ответственности перед современниками и потомками, но и вполне понятный страх, который испытал бы всякий человек, очутившись вдруг на ладони великана.

Познав тревоги своих далеких предшественников, мы познали и их утешения. И всякий раз, когда задача начинала казаться нам невыполнимой, мы ободряли себя словами, которые предпослал своему Житию Сергия Епифаний Премудрый. «Аше бо не писано будет старцево житие, но оставлено... без воспоминания, то се убо никако же повредит святого того старца... Но мы сами от сего не плъземся, оставляюще толикую и таковую плъзу. И того ради сиа вся собравше, начинаем писати»...

* * *

Со времени первого издания нашей книги о преподобном Сергии Радонежском («И свеча бы не угасла...». Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990) прошло десять лет. По историческим меркам — не столь уж большой срок. Но так многое изменилось за это время! Нет нужды говорить о переменах в государственном устройстве и общественной жизни: они общеизвестны. Под воздействием этих перемен изменились и сами люди.

Общий итог происшедшему подводить еще рано. А подведение частных итогов — дело сугубо личное, где каждый составляет свою собственную «приходно-расходную книгу».

Но обратимся к тому, что меньше подлежит сомнению. Рассмотрим то, как изменилось отношение людей к религии и Церкви. Ведь главный герой нашей книги — монах, жизнь и учение которого являются прежде всего частью истории Русской Православной Церкви.

Священнослужители перестали быть изгоями. Сегодня без них не обходится почти ни одно значительное общественное событие. Иконами и церковными книжками торгуют теперь на каждом углу. И мы уже не считаем религию «мракобесием». Напротив. Мы охотно готовы признать, что «в этом что-то есть». Государство спешит отдать Церкви отнятые у нее в советское время храмы и монастыри. Оно явно ищет ее поддержки или хотя бы сочувствия. Кажется, все идет как нельзя лучше. Однако первое впечатление обманчиво...

Да, мы перестали бояться человека в рясе. Но значит ли это, что мы его узнали и полюбили? Значит ли это, что мы поняли тех, кто добровольно замкнул себя в кольцо монастырских стен, отрекся от многих мирских радостей и утех? Конечно, нет. Мир русского православного монастыря для огромного большинства людей по-прежнему остается «тайной за семью печатями». Интеллигенция, радостно устремившаяся к Церкви после долгих лет вынужденного воздержания, быстро отхлынула назад. Оно и понятно. Ведь истинная вера есть прежде всего постоянный труд ума и души. А мы по-прежнему «ленивы и нелюбопытны».

Итак, мы не намного приблизились к Сергию за счет устранения чисто формальных препятствий на этом пути. Скорее напротив. Всеобщее ожесточение, равнодушие к страданиям и смерти, царящие повсюду, явно свидетельствуют о том, что мы по сути нашей жизни все дальше и дальше уходим от заветов преподобного.

Как же остановиться? Как удержаться хотя бы на той точке, где мы сейчас находимся, и не скатиться в пропасть? По-видимому, сегодня — как это бывало и прежде в тяжелые моменты истории России — нам следует обратиться к тому огромному запасу мужества, запасу нравственной силы, который накоплен нашими великими предками. И среди людей, при одном имени которых просыпалась и поднималась Россия, — «великий старец», преподобный Сергей Радонежский...

Но если наш труд не утратил своего значения по своей сути, то, может быть, он устарел, так сказать, «технически»? Быть может, за эти годы беспокойная историческая наука установила нечто такое, что опрокидывает всю нашу рекон-

струкцию жизненного пути «великого старца»? По совести, нет. Ведь в корне изменить картину может только открытие нового, доселе неизвестного древнего источника. Но таких находок не произошло. О Сергии Радонежском много говорили и писали в связи с 600-летием со дня его кончины, широко отмечавшемся в сентябре 1992 года. Повышенный интерес к его жизни и деятельности — как, впрочем, и вообще к историко-церковной тематике — сохраняется и в последующие годы. Однако дело сводится главным образом к конструированию различных хронологических схем, каждое звено которых представляет собой всего лишь предположение. Впрочем, на одном направлении исследователям удалось заметно продвинуться вперед. Предложена новая реконструкция истории текстов Жития Сергия Радонежского, позволяющая более обоснованно говорить о тех или иных событиях его жизни.

Мы не намерены уводить читателя в дебри профессиональных дискуссий. Однако было бы неверным и замалчивать наличие целого ряда «белых пятен» в биографии Преподобного. Исходя из этого, мы помещаем после текста книги необходимые комментарии. В тех случаях, когда аргументы новейших исследователей оказались непреодолимыми, мы внесли соответствующие поправки в нашу картину жизни «великого старца». Однако таких моментов немного. История Древней Руси не любит абсолютных истин. Здесь все изменчиво и зыбко. Не отрицая возможности иных, отличных от нашей, версий биографии Сергия Радонежского, мы остаемся, однако, при своем мнении и своем видении событий.

Некоторые изменения в тексте книги были вызваны не только достижениями других историков. Все эти годы автор и сам продолжал исследовательскую работу в области русской истории XIV—XV веков. Плодом этих занятий стали, среди прочего, книги «Иван Калита» (1995), «Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века)» (1999) и «Иван III» (2000). Работая над ними, мы по-новому увидели многие события и явления той эпохи.

В основе нашего труда лежит стремление увидеть преподобного Сергия глазами людей его времени, понять его поступки в системе ценностей той далекой эпохи. И потому мы сочли полезным несколько расширить книгу за счет приложений. В их числе — древний монашеский устав Василия Великого, положенный в основу всего уклада жизни древнерусских монастырей, его письма, содержащие рассуждения об иночестве, а также послания митрополита

Киприана к Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому и некоторые другие документальные материалы.

И последнее. Книга «И свеча бы не угасла...» была написана в период, когда научный атеизм только-только разжал свои железные объятия, когда мы по инерции все еще оправдывались перед кем-то за свой интерес к православию вообще и средневековому монашеству в частности. Признаки времени можно увидеть и в некотором «церковно-просветительном» уклоне нашего повествования. Мы открывали для читателя (а порой и для себя) много такого, что для людей Церкви было давно известным и само собой разумеющимся. Некоторые наши рассуждения, вероятно, вызывали у них снисходительную улыбку. Однако, положи руку на сердце, далеко ли ушло с тех пор религиозное образование обычных, не причастных к Церкви людей? А ведь их у нас, как известно, огромное большинство. Для них, возможно, и будут полезны именно такие, начальные пояснения. Ведь всякое познание есть путь от простого к сложному.

ЗНАМЕНИЯ

Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон.

Иеремия, 6, 25

Будущий подвижник родился в 1314 году в семье ростовского боярина Кирилла и его жены Марии*.

Согласно Житию младенец был окрещен на 40-й день после рождения и наречен Варфоломеем. Если предположить, что он по традиции получил имя того святого, память которого праздновалась Церковью в день крещения, то можно назвать не только день совершения обряда — 11 июня, день памяти апостола Варфоломея — но и день рождения. По данной системе подсчета этот день — 3 мая 1314 года. Эту дату можно встретить в некоторых жизнеописаниях Сергия Радонежского**.

Приняв предложенную дату, мы обнаружим знаменательное совпадение: Сергей родился в день, когда праздновалась память одного из первых русских святых, преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря. Знаменитый подвижник умер 3 мая 1074 года, за 240 лет до рождения того, кому суждено было стать прямым продолжателем его дела.

Если такое совпадение действительно произошло, то, конечно, оно сыграло определенную роль в жизни Сергия. Символизм христианского мировоззрения заставлял видеть

* Одной или несколькими «звездочками» отмечены положения, требующие пояснений. Читатель найдет их в разделе «Комментарии» в конце книги.

СПИСОК РАБОТ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ
РАДОНЕЖСКОМ И ЕГО ЭПОХЕ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
ПОСЛЕ 1989 ГОДА

114. Аверьянов К. А. Из истории ростовских «половин» // История и культура Ростовской земли. 1999. Ростов, 2000.
115. Басенков А. Е. Московско-тверские отношения при Дмитрии Донском (60—70-е годы XIV в.). Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 1992.
116. Бегунов Ю. К. Куликовская битва и сказания об иконах Пресвятой Богородицы // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992.
117. Борисов Н. С. Преподобный Сергей Радонежский и духовные традиции Владимиро-Суздальской Руси // Журнал Московской патриархии. 1992. № 11—12.
118. Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995.
119. Борисов Н. С. Основание Троицкого монастыря в историческом контексте первой половины XIV в. // Тезисы докладов Международной конференции «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». 29 сентября — 1 октября 1998 г. Сергиев Посад, 1998.
120. Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.
121. Бълхова М. И. Монастыри на Руси как феодальная организация. XII — середина XIV вв. Автореферат диссертации канд. ист. наук. М., 1990.
122. Воронцова Л. М. К вопросу о складывании почитания преподобного Сергия Радонежского в XV в. // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. Б/м. 1998.
123. Дмитриев М. В. К проблемам истории русского монашества в XIV — начале XVI века (по страницам книги П. Гонно) // Вопросы истории. 1997. № 3.
124. Жизнь и житие Сергия Радонежского. Составление, послесловие и комментарии В. В. Колесова. М., 1991.
125. Жуковская Л. П. Митрополит Алексей и его перевод чудотворной рукописи Нового завета 1354 г. // Культура средневековой Москвы XIV—XV вв. М., 1995.
126. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
127. Клосс Б. М. К изучению биографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.
128. Клосс Б. М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры XV—XVII вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. Б/м. 1998.
129. Кривцов Д. Ю. Значение общежительных монастырей для формирования нравственно-этических основ великорусской нации в период образования централизованного государства (XIV—XV вв.). Автореферат диссертации канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1994.
130. Кричевский Б. В. Митрополичья власть в 30—70-е годы XIV века (Юридический статус и политическая деятельность русских митрополитов). Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 1997.
131. Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV вв. // История и культура Ростовской земли. 1999. Ростов, 2000.
132. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990.

133. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сб. научных трудов. М., 1990.

134. Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.

135. Кучкин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995.

136. Кучкин В. А. Сергей Радонежский и «филофеевский крест» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.

137. Маясова Н. А. Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье (К вопросу об иконографии) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.

138. Муравьева Л. Л. О начале летописания в Троице-Сергиевом монастыре // Исследования по источниковедению истории России до-октябрьского периода. Сб. статей. М., 1993.

139. Муравьева Л. Л. О начале летописания в Троице-Сергиевом монастыре // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995.

140. Назаров В. Д. К истории «земной жизни» Сергия Радонежского (Биографические заметки) // Тезисы докладов Международной конференции «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». 29 сентября — 1 октября 1998 г. Сергиев Посад, 1998.

141. Нарциссов В. В. Проблемы иконографии преподобного Сергия Радонежского // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.

142. Никон, архимандрит. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца // Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. Репринт с издания 1904 года. Издание Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1990.

143. Памятники Куликовского цикла. (Составители — А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин.) СПб., 1998.

144. Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.

145. Петров А. Е. Сергей Радонежский // Великие духовные пастыри России. М., 1999.

146. Подобедова О. И. Роль преподобного Сергия Радонежского в духовной жизни Русской земли (середина XIV—XV столетие) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.

147. Попова О. С. Русские иконы эпохи св. Сергия Радонежского и его учеников. Православная духовность XIV в. и ее русский вариант // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998.

148. Преподобный Сергей Радонежский. [Альбом иконографии Сергия Радонежского и его учеников.] Автор-составитель Н. Чугреева. М., 1992.

149. Преподобный Сергей Радонежский. [Фотоальбом.] Автор-составитель В. Н. Корнюшин. М., 1992.

150. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.

151. Рындина А. В. Литургическая деятельность митрополита Киприана в предметном мире православного богослужения // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995.

152. Сапунов В. В. Сергей Радонежский — собиратель земли Русской // Тезисы докладов Международной конференции «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». 29 сентября — 1 октября 1998 г. Сергиев Посад, 1998.
153. Сергей Радонежский. Сборник. Составитель В. А. Десятников. М., 1991.
154. Сергей Радонежский (К предстоящему юбилею.) Каталог книжно-иллюстративной выставки. Государственная публичная историческая библиотека. М., 1990.
155. Смолич И. К. Русское монашество. 988—1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999.
156. Соснина Е. В. Преподобный Стефан Махришский и Троице-Сергиева лавра // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы Международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000.
157. Сочнев Ю. В. Русская Церковь и Золотая Орда. Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 1997.
158. Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
159. Ткаченко В. А. Радонеж. Страницы истории. Сергиев Посад, 1997.
160. Топоров В. П. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. Три века христианства на Руси (XII—XV вв.). М., 1998.
161. Фетищев С. А. Московское великое княжество в системе политических отношений конца XIV в. (1389—1395 гг.). Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 1996.
162. Ханагова И. Г. Сергиевская традиция в деятельности ростовского архиепископа Вассиана Рыло // История и культура Ростовской земли. 1992 (Материалы научной конференции, посвященной 600-летию со дня кончины преподобного Сергия Радонежского). Ростов, 1993.
163. Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЗНАМЕНΙΑ	13
ПУСТЫННИК	37
ДВЕНАДЦАТЬ	58
ВЕТВИ ЛОЗЫ	91
ЕДИНОМЫСЛИЕ	129
МЕЧ И КОЛОКОЛ	167
НЕГАСИМАЯ СВЕЧА	197
Приложения	239
Комментарии	280
Основные даты жизни и деятельности Сергия Радонежского . .	290
Библиография	291